

Марат Валеев

Вспомнить ВСО

Мини-мемуары и рассказы

Марат Валеев

**Вспомнить ВСО. Мини-
мемуары и рассказы**

«Издательские решения»

Валеев М.

Вспомнить ВСО. Мини-мемуары и рассказы / М. Валеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901990-5

Марат Хасанович Валеев — автор и соавтор ряда сборников прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишиневе, Новокузнецке, Южно-Сахалинске, Екатеринбурге, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси», Общества любителей русского слова, «Рождественская звезда», имени Виталия Бианки, газет «Советская Россия», «Комсомольская правда». Член Союза российских писателей, живет в Красноярске.

ISBN 978-5-44-901990-5

© Валеев М.
© Издательские решения

Содержание

Мини-мемуары	6
Учебка	6
На родине Сусанина	7
Военная тайна	8
Цистерна счастья	9
Дура бородатая	10
Проглотиты	11
Шагом марш на шабашку!	12
Войнушка с горцами	13
Однополчанин	15
Рассказы	17
Как родная меня мать провожала...	17
Старшина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вспомнить ВСО

Мини-мемуары и рассказы

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4490-1990-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мини-мемуары

Учебка

После недельного пребывания в сборном пункте в Егоршино под Свердловском меня «купили» в танковые войска и повезли в Чебаркуль, в учебку.

Однако на второй или третьей станции за Свердловском весь эшелон призывников выстроили на перроне (все пьяные, оборванные, поцарапанные и в синяках – ей-богу, орда моего древнего соплеменника Мамая, наверное, выглядела лучше) и зачитали список из полутора десятков имен.

Фигурировал в нем и я. Нам объявили, что мы попали не туда, посадили в другой поезд и привезли в Нижний Тагил. И определили в стройбатовскую учебку. Часть стояла прямо посреди города, отгородившись от него высоким забором, рядом с громадным Дворцом культуры «Юбилейный».

Обучали нас разным строительным специальностям, в том числе на жестянщиков, сантехников, газосварщиков, электросварщиков и еще на кого-то. Меня назначили электросварщиком. Служба, сразу скажу, была тяжелой, даром что стройбат. Учеба – от звонка до звонка, шагистика на гулком плацу – до одури, мороз не мороз, а маршируй. Утомительные часы в карауле – с настоящим карабином СКС, но без патронов («Бей штыком, коли прикладом!»)

Какая служба ждет нас в частях без специальности, нам дали понять сразу. Еще до принятия присяги половину учебки – а это батальон, – бросили на «прорыв» под Кунгур в Пермской области. Там срывался срок сдачи ракетной площадки.

И мы на тридцатиградусном морозе выдалбливали в промерзшей земле метровой глубины траншею (она змеилась на километры и соединяла между собой пусковые шахты, командные пункты и еще черт знает что там), затем укладывали на ее дно бронированный, толщиной с кисть руки негнувшийся кабель и закапывали это дело. Сушая каторга, доложу я вам!

Соответствовал и быт. Батальон расселили в нескольких пустых казармах, совершенно неотапливаемых. Тепло подавалось по брезентовым рукавам с улицы от постоянно гудящих огромных теплокалориферов. В казарме, правда, было все же теплей, чем на улице. Но спали мы все равно в бушлатах и ушанках, перемотав ноги портянками (валенки на ночь все же снимали), на трехъярусных нарах.

Их сколотили наспех из тяжелого сырого горбыля, и в первую же ночь я проснулся от страшного грохота и крика – под тяжестью солдатских тел, да и под собственной тоже, развалились и рухнули на пол нары по соседству. Одного парня сразу зашибло насмерть (наверняка его родителям написали, что он погиб, выполняя свой воинский долг), другому сломало руку, остальные были целы и невредимы, если не считать ссадин да ушибов.

На другой день третий ярус нар был демонтирован во всех казармах, а на оставшихся двух образовалась невообразимая теснота – спать можно было только на боку, прижавшись друг к другу как шпроты в банке. Впрочем, мы на это неудобство внимания обращали мало, потому что возвращались с объекта уставшие и замерзшие как собаки и мечтали только об одном: наспех проглотить в столовой перловку с тушенкой да завалиться спать, пусть даже только на боку.

Когда нас, наконец, после сдачи ракетной площадки вернули под новый год в учебку и смертельно уставший батальон, гремя котелками и шаркая валенками, втянулся сквозь настежь распахнутые железные ворота в часть, раздалось такое раскатистое «Ура!», что в близлежащих домах нижнетагильцев задребезжали стекла. Мы все хорошо поняли, что лучше до одури маршировать, чем до посинения копать...

На родине Сусанина

По окончании учебки, получив квалификацию электросварщика третьего разряда, я и еще несколько курсантов были направлены для продолжения службы в военно-строительный отряд (ВСО) под Костромой.

Часть базировалась в дремучем болотистом лесу (в 90 километрах от нас было то самое Сусанино). ВСО был экспериментальным, целиком набран из призывников одного возраста и одного землячества – из Киргизии. Они сами расчистили в лесу площадку под часть и запланированный военный объект, сами выстроили казармы, штаб, хозслужбы, проложили деревянные тротуары (под ногами вне этих настилов все время хлюпало, особенно после дождя) и передвигались по расположению части гурьбой, совершенно не имея представления о строе.

Когда я отдал честь первому встреченному здесь ефрейтору (одна нога у него почему-то была в кирзовом сапоге, другая в резиновом, подпоясан он был узеньким брезентовым ремешком, стоячий воротник его гимнастерки не знал, что такое подворотничок. Дерьмо, короче, а не воин. Но у него была лычка на погоне, а во мне, уже на уровне подсознания, сидела полугодовая муштра в учебке), этот заросший по самые глаза ефрейтор вначале остолбенел при виде моей лихо брошенной под козырек фуражки руки, а потом заржал так, что с ближайшей сосны посыпалась хвоя.

А вообще этот киргизский призыв (русских там, впрочем, было больше, чем самих киргизов) состоял из нормальных парней. Они на себе не испытали, что такое дедовщина и нас, еще салаг, не гнобили, хотя были уже «дембелями».

Часть, в которую мы попали, занималась тем, что строила ракетную площадку (я не раскрываю военной тайны – срок ее хранения уже давно вышел). Это была 25-метровая дырка в земле, выложенная толстенными железобетонными блоками, облицованными мощными стальными пластинами – ракетный ствол, с сопутствующими объектами.

Таких дырок в Костромской и окружающих Москву других областях наткано великое множество.

Наконец киргизы уехали по домам, в часть стало прибывать пополнение. А проще говоря – дешевая, за гроши нещадно вкалывающая на копке траншей под ракетные кабели рабочая сила. Хлебных должностей в части на всех нас, курсантов, не хватило – их позанимали сверхсрочники.

Военная тайна

Мне все же нашлось дело как сварщику на ракетной площадке – сваривал несложные конструкции на строительстве наземных объектов (в шахте варили только высококвалифицированные гражданские специалисты «на контракте»).

Когда выпадали свободные минуты, мы пролезали под многослойным ограждением площадки (было наворочено много чего мудреного, но пока не задействованного: и звуковая сигнализация, и тончайшая паутина из прочного провода под напряжением, и просто «колючка») и шли в окружающий нас лес.

Там было полно малины, черники, смородины. Вот так однажды, увлекшись поеданием сладкой черники, я убред глубоко в чащу, потерял всякие ориентиры (что с меня взять – в степной зоне вырос) и битый час бестолково метался по ставшему вдруг мрачным и быстро темнеющему лесу.

Чувствую – заблудился. Сел на поваленную лесину, чуть не плачу. Вдруг слышу треск ломаемых сучьев, глухое позвякивание какого-то колокольчика и старушечье бормотанье. Еще минута, и прямо на меня из густого ельника вышел... печальный телок с висящим на шее боталом. Животинку подгоняла хворостиной бабка, повязанная цветастым ситцевым платком. Как же я ей обрадовался!

– Бабуся, – завопил я, – милая, выручай! Заблудился вот. Тут где-то рядом часть моя находится.

– Это какая? – спрашивает бабка. Я огляделся по сторонам и шепотом (военная тайна же, подписку с меня взяли о неразглашении) сказал:

– 54-я площадка, бабушка. Ты ее, конечно, не знаешь. Но это рядом с трассой на Кострому...

– Это «Рябчик», что ли? – хмыкнула бабка. Я остолбенел. Кроме цифровых кодов, ракетные площадки имели еще и вот такие названия. Наша 54-я называлась именно «Рябчик». Вот тебе и военная тайна!

– Топай за мной, соколик! – проворковала моя спасительница, и я побрел за ней, как тот телок. Ну да черт с ней, с этой военной тайной. Главное, что благодаря бабусе на ужин я в тот вечер все же успел.

Цистерна счастья

К осени площадка была сдана. Ее заняли ракетчики, нам же предстояло поменять место дислокации, на строительство нового объекта. Часть свернулась в конце сентября, погрузилась в товарняк и отправилась на юг. Ехали несколько дней, и хоть в теплушках, которые я до этого видел только в фильмах про гражданскую да Великую Отечественную войну, но достаточно комфортно.

Нам надоело безвылазно торчать в лесу, и мы с огромным удовольствием предавались этому путешествию. Где-то на исходе третьих суток часть прибыла в патриархальный городишко Петровск Саратовской области. Здесь нам предстояло поставить воинский городок для авиаторов – аэродром же был построен еще до нас.

Уже поздно вечером начали разгрузку. И здесь случилось невероятное. Кто-то из пронырливых воинов обнаружил по соседству с нашим составом несколько огромных цистерн на колесах, охраняемых бабкой с незаряженным ружьем под мышкой. От цистерн тянуло спиртным.

Эти проныры связали бабку, заткнули ей рот кляпом и аккуратненько положили в сторонку – чтобы не затоптать. Сбили запор на одной из цистерн, вскрыли ее и ошалели от счастья: там, под самой горловиной, плескалось море разлитое сухого красного вина (уже потом выяснилось, что оно предназначалось для местного хлебозавода – использовалось в выпечке)!

Как раз оставленному на разгрузку хоззводу привезли большие термосы с кашей и чаем. Все это немедленно оказалось на земле, а двухведерные термосы заполнили вином. Им же под завязку залили все имеющиеся в нашем еще не до конца выгруженном имуществе емкости: сорокалитровые фляги, канистры, оцинкованные бачки для воды...

Естественно, по ходу затаривания емкостей то и дело прикладывались к дармовой выпивке сами, и в часть с последним скарбом хоззвод прибыл очень веселым, да еще с трофеем – несколькими сотнями литров недурного красного вина. Короче, в тот вечер большая часть нашей части была вдрызг пьяной, напился даже начальник штаба, майор (не скажу кто – мужик-то он был хороший).

В тот же вечер группа перепившихся солдат ушли в самоволку в город, передрались с местными, кое-кого отловила милиция. Вот так наша часть отметила свое появление на новом месте службы. Местная газета тут же разразилась фельетоном, в котором солдат новоприбывшего ВСО именовали не иначе как «дикой дивизией», «сбродом в военной форме» и зывали к совести нашего комбата.

Командир ходил чернее тучи. Все попытки найти конкретных виновников ни к чему не привели: хоззвод хранил гробовое молчание, несмотря на все попытки дознавателей из военной комендатуры и следователей из городской прокуратуры докопаться до истины.

Дура бородатая

Я и еще восемь бойцов в составе очередного наряда ночью чистили на солдатской кухне картошку. Бак с очистками периодически выносили за кухню и опорожняли прямо на землю. Утром их должны были увезти в подсобное хозяйство на корм свиньям.

Но очистки привлекли чье-то внимание уже этой ночью. В желтом свете, льющемся из фонаря на столбе, появилась крупная пятнистая коза и стала неторопливо хрумкать картофельной кожурой, недобро поглядывая в нашу сторону. В ограждении части было много дыр – признаться, мы их сами понаделали, чтобы время от времени сматываться в самоволки в городишко Петровск, на окраине которого пристроился наш славный батальон. Видимо, через одну из них и просочилась эта рогатая бестия.

– А давай мы ее подоим, – внес полезное предложение рядовой Витька Тарбазанов (вне строя – Тарбазан), с которым мы вынесли очередную бадью с жирными очистками. – Знаешь, какое у коз молоко полезное!

– Давай, – согласился я. – Только вдвоем мы ее не поймем, они очень шустрые, эти козы.

– Понял! – сказал Тарбазан и ушел за подмогой. Вскоре из кухни вывалило целое отделение одуревших от многочасовой возни с картошкой бойцов, с кружками, котелками – можно было подумать, что собрались доить слонику.

Взяв в кольцо насторожившееся животное, мы стали подступать к нему с подхалимскими присюсюкиваниями типа: «Не бойсь, дура бородатая, мы тебя только подоим и отпустим».

Коза затрясла бородой, пригнула башку и первым боднула Тарбазана. Потом ее рога впились в толстый зад улепетывающего командира отделения ефрейтора Карачевцева. Он басом сказал: «Мама!», перекувырнулся через голову, но все же умудрился схватить разъяренно блестящую козу за рога.

Тут и мы подоспели, схватили придушенно мекающее животное кто за что смог. Я держал ее за бороду и кричал Тарбазану:

– Дои скорее!

Витька встал на колени и завозился с котелком в той области козы, где кончался живот и начинались хвост и все остальное. Возился он подозрительно долго. Коза от такого бесцеремонного отношения просто зашлась в крике. Неожиданно Тарбазан сплюнул и зло сказал:

– Козел!

– Сам козел! – прорычал Карачевцев, уставший держать вырывающееся животное. – Дои давай!

– Да за что доить-то? – с отчаянием сказал Витька. – Это же козел.

Повисла тишина. Потом раздался громовой хохот, да такой, что в ближайшей казарме проснулась целая рота отдыхающих солдат, и они высыпали в трусах наружу.

– Пошел вон, и чтобы мы тебя здесь больше не видели!

Карачевцев дал здоровенного пинка всклоченному козлу, тот подпрыгнул на месте и устремился к дыре в заборе. А мы поплелись завершать выполнение боевой задачи – дочистить картошку. Натощак.

Проглотиты

Похоже, в начале семидесятых пятигорский военкомат испытывал такой острый дефицит солдатского материала, что призвал в армию даже этих чудаковатых близнецов, прозванных у нас в роте Проглотитами. Братья отличались необыкновенной прожорливостью. Родители почти ежемесячно присылали им продуктовые посылки. Так вот, в каждом таком фанерном ящичке имелась перегородка, по обе стороны которой заботливые папа с мамой укладывали одинаковое количество гостинцев: по пачке печенья, по банке варенья, по банке сгущенки, по три-четыре десятка конфеток, и так далее. Чтобы их излюбленные чада не имели проблем при дележке. Но братья все равно все пересчитывали. Однажды в одном отделении посылки на одну конфетку оказалось больше. Братья разбирались, разбирались, как ее поделить, и схватились врукопашную. Пока они катались в проходе между солдатскими двухъярусными кроватями, от их посылки ничего не осталось – бойцы справедливо решили, что братцы и так зажрались, раз им силы девать некуда.

В роте с нами служил один здоровенный молдаванин. В нашей казарме часто по самым разным поводам вспыхивали драки. Молдаванин – его так и звали, а не по имени, – в них не участвовал, поскольку боялся убить кого-нибудь. А если хотел кого наказать, то просто «отпускал пиявку» – пальцами правой руки оттягивал здоровенный, как сарделька, безымянный палец на левой и хлестко щелкал им по лбу или затылку провинившегося. Причем, вполсилы. Что могло быть при полновесной «пиявке», он однажды показал, со всей дури хлестнув своей «сарделькой» по перевернутой алюминиевой солдатской миске: на дне ее осталась заметная вмятина.

Как-то Молдаванин заработал у поваров целый котелок подливки с мясом – то ли дров им поколол от нечего делать, то ли тушу говядины разделал в два счета, это уже их дела, – сам все съесть не смог, и решил позабавиться. Дело было во время ужина. Он подозвал к себе одного из близнецов, сидящих за соседним столом:

– Вот полкотелка подливки. Хочешь?

Проглотит поперхнулся слюной и оглянулся на своего старшего брата. Тот не сводил горящих глаз с одуряюще пахнущей посуды. И хотя предложение было сделано только одному, ответили они хором:

– Хочу!!!

– Отдам, – сказал Молдаванин. – Но за пиявку. Пойдет?

Обжора, жадно вдохнув аромат мясной подливки, покорно склонил свою коротко остриженную голову. Молдаванин медленно оттянул свой знаменитый бронебойный палец... И залепил в самую макушку Проглотита такую смачную пиявку, что по всей столовой пошел звон, а мы в очередной раз убедились, что голова эта – совершенно пустая. Проглотит рухнул на стол лицом вниз.

– Крякнул! – прокатилось по солдатской столовой. Молдаванин испугался и стал тыкать той же «сарделькой» в шею потерявшему сознание братцу:

– Эй, ты это чего, а? А ну вставай!

Но Проглотит уже пришел в себя. Он осторожно ощупал голову и неожиданно попросил первого, кто оказался напротив – это был Молдаванин:

– Погляди, у меня там дырки нет?

– Дырки-то не-е-т, – раздумчиво протянул тот, тщательно рассматривая эту бестолковую голову. – А вот вмятина осталась!

Столовая взорвалась хохотом. А «проглотит» прижал котелок к груди и побрел, пошатываясь, к братцу, который уже испереживался ждать его с ложкой в одной руке и краюхой хлеба – в другой...

Шагом марш на шабашку!

Это в других родах войск солдаты живут на всем готовеньком. А в стройбате на питание, обмундирование и прочее надо заработать.

В Петровске для нас фронта работ своевременно подготовлено не было, и солдаты, особенно второго года службы, при получении на руки расчетов с ужасом констатировали рост «кредита» над «дебетом». В части забродили нехорошие настроения. Да и командиров такое положение не устраивало – солдат надо было кормить-одевать, а на какие шиши?

И вы можете мне не верить, но то, о чем я вам поведаю дальше, так и было на самом деле. Построившись побригадно, мы после развода уходили с утра в город – на вольные заработки, шабашить.

Шли на местные предприятия, на станцию, разгружали вагоны с цементом, углем, скелетами животных (на костную муку), продовольствием, работали на элеваторе. После освоения того или иного объема работ «бугры» закрывали наряды и заработанные нами денежки переводились на счет части, а уж оттуда – на наши лицевые счета, после соответствующих вычетов.

Время от времени бригадиры договаривались на шабашку за наличку, часть тогда ни хрена не получала («бугор» же – в нашем отделении это был здоровенный, под два метра хохол Карачевцев, – на утреннем разводе разводил ручищами: «А шо я мог зробыть, роботы не було!»), зато в наших карманах появлялись приятно похрустывающие кредитки. И тогда в часть мы возвращались пьяными, с песнями, кого-то волокли уже под руки.

Но вот на объект привезли необходимые материалы, оборудование, инструменты, и стройка начала набирать обороты. Я снова вооружился «держакон» и маской и с необычайным удовольствием сваривал сетки для армирования фундаментных поддонов, подушек, колонн, замысловатые конструкции из угольников, однотоавровых и двутаавровых балок по чертежам, представленным мастером – таким же солдатом, как и я, только с сержантскими лычками.

Жизнь наладилась, хоть и достаточно однообразная, зато время летело очень быстро. После того, как наша часть перебралась из костромских лесов в саратовские степи, мне оставалось служить год. И он подходил к концу. В принципе, уже можно ехать домой. Но я поступлю нечестно, если не расскажу еще об одной истории, случившейся в нашей части осенью 1971 года.

Войнушка с горцами

Наш батальон представлял собой пеструю смесь из представителей многих национальностей и народностей великого СССР. Конечно, больше было русских, затем украинцев.

Понемногу было намешано и всего остального: узбеки, туркмены, татары, удмурты, чувашаи, корейцы. Но среди всего этого единства народов всегда особняком держались кавказцы, особенно чеченцы и ингуши.

Их было немного, около двух десятков. Но они были настолько сплочены и дерзки, что с ними никто не предпочитал связываться. Даже их соседи по гражданке – азербайджанцы, грузины, армяне. Если, допустим, ты нечаянно наступал на ногу одному чеченцу, считай, что задевал их всех. На своего обидчика они набрасывались обязательно всей сворой и что печально, когда вайнахи, взяв в кольцо одного русского, могли бить его всей толпой, его земляки не мешали расправе.

Некавказцы, увы, были разрознены, нередко малодушны, нерешительны, чем и пользовались дети гор. Включая азербайджанцев, грузин, армян и пр. Все вместе они, что называется, держали часть в кулаке.

Нашей ротой командовал майор Срухов, кабардинец, горбоносый черноусый красавец (пьющий, кстати, горькую со страшной силой. Нажравшись, он на автопилоте приходил в роту, поднимал старшину, тот докладывал ему, кто и как провинился в течение дня – обычно это были самовольщики. Срухов посылал за провинившимися, устраивал короткий допрос, потом жестко бил каждого по роже и удовлетворенный уходил спать домой).

Первыми на произвол со стороны горцев начали глухо роптать украинцы. Срухов, урезонивая их, сказал, что на это не надо особенно обращать внимания, поскольку, мол, у всех кавказцев кровь горячая, и тут ничего не поделаешь. Происходил этот разговор во время вечерней поверки, перед отбоем. Кто-то из строя зло кинул в ответ на реплику майора:

– А шо, у хохла или русского вместо крови в жилах течет говно?

Срухов в ответ лишь хмыкнул.

Обстановка в части между тем накалялась. Стычки с кавказцами вспыхивали то там, то здесь, но пока горцы держали верх. К тому времени в часть прибыло пополнение: сотня-полторы новобранцев из Новгородской области, добрая треть из которых имели судимости.

Первое время они повзводно жили в палатках. В один из теплых сентябрьских вечеров вся часть смотрела кино на летней площадке. Несколько кавказцев в это время забрели в одну из таких палаток и отлупили оставленного там дневального за то, что не позволил им пошуровать в личных вещах солдат.

Тот кинулся к землякам за подмогой. А новгородцы были еще те ребята. Не поймав истинных обидчиков своего дневального, они принялись дружно колошматить всех попадавших им на территории части нерусских.

К ним тут же присоединились остальные славяне, в ком давно уже, исподволь, тлела искра мести за причиненные кавказцами обиды и унижения. Горцы пытались сопротивляться. Да куда там – на территории части полыхал тот самый бунт, бессмысленный и беспощадный. Хотя нет, смысл-то как раз и наличествовал.

Дети гор бежали с территории части и пытались раствориться на ночных, слабо освещенных улицах Петровска. Но возмездие настигало их всюду. Кавказцев отлавливали и били до утра солдатскими ремнями, колыями, арматурой. Убить никого не убили, но покалечили многих.

В часть вызвали вооруженный комендантский взвод, перепуганных краснопогонников с автоматами. Но усмирять никого не пришлось, все утихомирилось само собой.

Утром на разводе комбат коршуном ходил вдоль строя, пытаясь по внешнему виду солдат вычислить участников драки. Однако едва ли не каждый второй угрюмо смотрел на комбата или подбитым глазом, или белел перевязанной рукой, головой. Не отдашь же всю часть под суд?

Конфликт был исчерпан тем, что кавказцев из батальона убрали от греха подальше на изолированную точку (были у нашего ВСО отдаленные объекты), и дело спустили на тормозах. Так что кровь – она у всех одинаково горячая. Разве что температура кипения разная...

Однополчанин

Эвенкия, Тура, зима 1989 года. Сидим с женой на кухне, завтракаем перед уходом на работу. На стене бормочет радиоприемник – идет утренняя передача окружного радиокomiteта «Хэглэн». Одним ухом ловлю то, что мне рассказывает Светлана, вторым фильтрую сообщения коллег с окружного радио.

Вот пошел репортаж о работе ГАИ, из динамика доносится чей-то невероятно знакомый, бубнящий голос. Так может говорить только один человек. Но откуда ему здесь взяться? Жестом прошу Светлану замолчать, добавляю звук. Этот самый бубнилка в чем-то оправдывается, другой голос, требовательный, его обвиняет. И комментарий корреспондента: «За нарушение правил дорожного движения на мотоциклиста Ивана Заливако Госавтоинспекцией налагается штраф в размере...».

Я не поверил своим ушам. И знакомый голос, и имя героя репортажа свидетельствовали о том, что в Туре находится мой однополчанин Иван Заливако! Мы с ним вместе служили в 1970 году в одной роте сначала под Костромой, а потом в Петровске Саратовской области, куда нас перевели после сдачи построенной нами ракетной площадки (военной тайны я не раскрываю – та площадка уже давно демонтирована, как и многие другие).

Расстались мы в ноябре 1971 года, когда уволились в запас. Я вернулся к родителям в Казахстан, Ваня Заливако – к себе в Украину, кажется, в Запорожье. И вот почти через двадцать лет я слышу его голос, и где – у черта на куличках, в заваленной снегами Эвенкии!

Я тут же вспомнил то забавное обстоятельство, при котором Иван заявил о себе в первые же дни службы в нашей военно-строительной части под Костромой. Это был экспериментальный батальон, личный состав которого был призван в один срок, а потому не знал, что такое дедовщина и нас, полтора десятка новоприбывших курсантов стройбатовских Нижнетагильской и Калужской учебок, никто не трогал. Кроме старшины роты Кадралиева, невысокого, но почти квадратного киргиза.

Тот взял моду вызывать к себе в каптерку каждый вечер по одному из нас, вручал боксерские перчатки, другие надевал сам и устраивал показательный бой. Совершенно невзирая при этом на то, владеет ли его противник боксерскими навыками. Так он отлупил троих или четверых из пополнения (до меня еще очередь не доходила), потом вызвал и Ваню Заливако.

Ваня что-то пробурчал себе под нос и зашел в каптерку. Скоро оттуда стали раздаваться характерные звуки ударов, шмяканья тела о хлипкие стены каптерки, невнятные восклицания. А потом резко распахнулась дверь и из каптерки кубарем вылетел... старшина Кадралиев! Откуда ему было знать, что он нарвался на настоящего боксера. Больше Кадралиев никого не трогал. Иван тоже. Разве что когда его трогали самого.

В армии мы с Иваном особо не дружили, так, здоровались, и все. Он служил в другом взводе и у него был свой круг приятелей. Но сейчас-то это не имело никакого значения, сейчас он, конкретный свидетель и участник нашей армейской юности, был мне как брат. И мне его надо было во что бы то ни стало увидеть.

Я нашел Ваню в одном из туринских предприятий. Да, это был он, мой однополчанин хохол Заливако, такой же широколицый и улыбчивый, с приплюснутым носом, такой же неподражаемо бубнящий. Прошедшие годы мало изменили его. Оказывается, Иван обо мне узнал еще раньше: видел мою подпись в окружной газете «Советская Эвенкия», слышал мои передачи по окружному радио (я там одно время подрабатывал), но не мог поверить, что я здесь, в Туре.

Он все собирался зайти в редакцию, чтобы удостовериться – я здесь работаю или не я? – да никак не мог собраться. И вот мы все же встретились – через два десятилетия, через многие

тысячи километров, именно здесь, в Эвенкии. Обнялись, похлопали, как водится, по плечам друг друга, выпили, вспомнили армию.

Иван приехал сюда по так называемому оргнабору намного раньше меня. Ехал на три года, подзаработать денег, женился, да так и остался здесь. К сожалению, уже навсегда – он работал на тракторе, как-то ремонтировал его, а трактор возьми да придави Ваню. Вот так мой однополчанин и улегся на вечное хранение в стылую промерзшую эвенкийскую землю.

Я не присутствовал на похоронах – меня в Туре не было, когда случилось это несчастье, уезжал в командировку. Поэтому в моей памяти Ваня Заливако навсегда остался тем живым, добродушным и в то же время очень независимым парнем, каким я его знал...

Рассказы

Как родная меня мать провожала...

В армию я уходил не из дома в Казахстане – повестка пришла мне на Урале, в Красно-турьинске, где я работал на заводе ЖБИ бетонщиком. И перед тем, как явиться в военкомат, решил съездить в родное село. Как-никак, там мои родители, братишки и сестренка, одноклассники, и мне очень хотелось повидаться с ними, перед тем как отправиться на два года в полную неизвестность.

Хотя, что там неизвестного – я призывался в прославленную Советскую Армию, отслужить в которой в те годы считали за честь подавляющее большинство парней. И обычно прощания в армию превращались в большое и праздничное событие, что в городе, что в деревне.

Я пробыл дома всего несколько дней, повидался со всеми, кого хотел увидеть. А перед отъездом родители устроили мне, как и полагается, проводы: нажарили-напарили всего и накрыли длинный стол, за которым собрались десятка два моих друзей и родственников – большего числа гостей наша скромная хата просто не разместила бы.

В общем, все остались довольны – и я, и гости, и родители – тем, что все остались довольны. Правда, мама моя весь вечер нет-нет, да всплакнет, глядя на меня. Я даже начал смущаться – ну как же, я же мужик, без пяти минут защитник Родины, а по мне слезы льют, и все это видят.

Не оставила мама свое мокрое дело и наутро, когда меня отвезли в райцентр, откуда я должен был уехать на автобусе до Омска, а затем поездом до Урала. Наконец, пожав всем руки и неловко ткнувшись губами в мокрую от слез мамину щеку, я с облегчением забрался в автобус, еще успел помахать провожающим меня односельчанам и поехал.

А перед глазами все еще стояла плачущая мама, и я был сердит на нее: ну, что она опять устроила мне при всех, как какому-нибудь маменькиному сыночку, а? Я вон, сам в семнадцать лет уехал на Урал, у меня уже больше года трудового стажа, в армию вот берут, значит – не задохлик какой, а она все рыдает. Ну, что это такое, ей-Богу?!

Но вскоре я уже сидел в вагоне своего поезда, пытался заигрывать с молодой и симпатичной проводницей и напрочь забыл обо всем, что было со мной и вокруг меня до этого. Молодость, что с неё взять?

А всего через четыре дня, когда я уже вечером следующего дня должен был отправиться на вокзал, где группу призывников должны были посадить в поезд на Свердловск работники военкомата, ко мне в комнату (койко-место в общаге я еще не сдал) поднялась с первого этажа недовольная вахтерша и сказала, чтобы я шел к телефону.

– А кто звонит-то? – с недоумением спросил я – за весь год проживания в общаге мне сюда звонили всего пару раз, и это для меня в известной степени было событием.

– Твои родичи, – пробурчала тетя Глаша. – Иди уже, и долго телефон мне не занимай!

Я спустился к вахте, взял лежащую на столе трубку и солидно сказал:

– Слушаю вас!

– Сыночек мой, это я... – сказала трубка маминым голосом, и я чуть не уронил ее на пол.

– Мама, ты откуда звонишь, из деревни, что ли? Откуда номер общаги у тебя? – сбивчиво забормотал я.

– Нет, не из деревни, – сказала мама и всхлинула. – Па... папа отпустил меня проводить тебя в армию. Я у дяди Яши. Иди сюда скорее, сыночек, я тут уточку варю...

И я как стоял, так и сел на краешек стула, едва удержавшись на нем.

– Но... но зачем ты приехала? Столько денег потратила... Я бы и сам в армию нормально ушел, то есть уехал...

– Да как же, сыночек! Ты же у нас первым солдатом будешь! – с укором сказала мама (и это была сушая правда – из трех братьев я был старшим). – Поэтому, хочешь-не хочешь, а я тебя провожу...

После еще одних проводин у дяди Яши (папиного младшего брата, у которого я какое-то время жил, пока не устроился на работу) на следующий день мы с мамой отправились на вокзал.

Там уже кучковалась сколоченная еще в военкомате наша команда ноябрьских призывников в сопровождении одного из офицеров – он должен был доставить нас на сборный пункт Егоршино под Свердловском.

Я не один был с мамой – других призывников тоже провожали даже по два родителя, а то и целая кучка родственников. Мама все порывалась притянуть меня к себе, я, понятное дело, как истинный мужик и будущий солдат, всячески противился этому.

Но вот прозвучала команда построиться на перроне, я с облегчением вырвался из маминих объятий и торопливо вышел из маленького и тесного помещения вокзала. Мама вышла следом и молча смотрела на меня, переминающегося с ноги на ногу в неровном, разношерстном строю из пары десятков призывников, и по лицу ее опять текли слезы. «Господи! – с досадой подумалось мне тогда. – Да откуда же она их столько берет?..»

Но я все же был не каменным, мне, наконец, очень жалко стало маму за ее переживания, и я почувствовал, как и у меня защипало в носу и жарко стало глазам. Я торопливо помахал маме на прощание рукой и полез за пацанами в свой вагон.

Место мне досталось с окном в противоположную от перрона сторону. И пока я устроился, поезд дернулся и медленно стал набирать ход. Я бросился в соседнее отделение вагона, чтобы еще раз помахать маме рукой, но, увы, ее уже не было видно...

Отслужил я благополучно, правда, без отпуска – не заслужил. Да у нас в части вообще мало кто удостаивался такой чести. Вот всего пару-тройку лет назад, когда срочную служили по три года, отпуска солдатам давали почти в обязательном порядке – все же три года... А нам повезло, мы пошли служить уже по новому, всего-то двухгодичному сроку.

Но этих двух лет мне хватило, чтобы я очень сильно соскучился по своим родным – братишкам и сестренке, отцу, маме. Хорошо, хоть она писала мне в часть – девчонки у меня тогда такой, чтобы регулярно, как невеста своему жениху, слать мне письма, не было, и единственной связью с гражданским миром оставались для меня они, мамины письма и ее посылки.

Когда я вырос на пороге родного дома в шинели и кирзовых сапогах, с щеголеватым дембельским чемоданчиком в руке, мама прижалась ко мне, но что было поразительно при этом – уже не плакала, а счастливо улыбалась.

– Мама, я тебя не узнаю, – сказал я, осторожно целуя ее в поседевший завиток, выпавший из-под сбившегося платка на щеку. – Вот сейчас ты не плачешь. Почему?

– Ах, сынок, – вздохнула мама и погладила меня по плечу с черным погоном. – Когда я тебя провожала в армию, у тебя из воротника пальто торчала такая худая, такая тонкая шейка – как у цыпленка, что я все время думала: «Боже мой, ну какой же из него солдат? Разве же можно таких брать в армию?» Вот потому и плакала и про себя молилась, чтобы у тебя там, в армии, все было хорошо. А сейчас чего мне плакать? Вон ты какой вернулся – плечистый, и шея уже не как у цыпленка, а крепкая, мужская. Вот я и радуюсь за тебя...

А вот здесь уж я сам чуть не расплакался, несмотря на свою «плечистость» и крепкую шею. Если честно признаться, трудно мне было в армии, порой очень. И теперь я наверняка был уверен, что это болевшая за меня мамина душа, ее слезы и молитвы укрепляли меня в армейской службе, и я благополучно отслужил эти долгие два года и вернулся домой.

- Спасибо тебе, мама, – сказал я. – И прости, что не всегда был внимателен к тебе.
- Иди, мой руки, – ответила мама. – Оладушки еще горячие....

Старшина

– Так, засранец, я тебя запомнил!

Это сказал Витьке Белову старшина Полоумов (ну вот наградил же господь человека фамилией, полностью соответствующей его сущности) в первый же день их знакомства. Да он Витьке вообще сто лет был бы нужен, этот нескладный жилистый мужик в военной форме с черными погонами стройбатовца и с одной широкой продольной лычкой на каждом из них. Но разве в армии спрашивают разрешения у рядового, кого ему назначить в командиры?

Вообще-то у рядового их и так много: это и командир отделения, и командир взвода, и роты, и так далее, вплоть до министра обороны. Но старшина роты, он хоть и не офицер – он главнее всех, потому что практически живет в казарме и отвечает за хозяйственное обеспечение роты, за состояние обмундирования, за внешний вид солдата, за порядок в роте.

При хорошем раскладе этот могущественный командир может быть отцом родным солдату – это если, конечно, ты ему глянешься. А если нет – пиши пропало. Он будет гнобить тебя до конца службы всяческими придирками, ты не будешь вылезать у него из нарядов на кухню, на разные противные хозяйственные работы.

Витька Белов не глянулся Полоумову с первого дня, как попал в учебку. Когда старшина повел свою, пока только наполовину укомплектованную роту, строем – с полсотни пацанов, все еще в гражданской одежде, – в городскую баню, и отдал команду запевать «Катюшу», полагая, что эту-то песню должны знать все, Витька из вредности загорланил что-то другое («а че он раскомандовался, козел, когда мы еще присяги не приняли?») Кажется, «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты».

– Рота, раз, два! Стой! Смирно! – тут же разнеслась зычная команда. Новобранцы молча застыли посреди улицы, освещенной редкими фонарями, моросил холодный ноябрьский дождь и противно стекал по их мокрым лицам и шеям за шиворот и мерзко струился вдоль дыбом ставших лопаток.

– Кто пел про Ванюшу? – угрожающе-тихо спросил старшина Полоумов. Рота молчала.

– Еще раз спрашиваю: кто пел не то, что я скомандовал?

Рота продолжала безмолвствовать и только негромко покашливала да сморкалась. Те, кто был в строю рядом с Витькой, слышали, конечно, что это он орал про то, чтобы «не ходить во солдаты». Но выдать своего им, было, конечно, запахло. Как и Витьке самому – признаться.

– Значит, будем стоять до тех пор, пока у этого умника не проснется совесть, – заключил старшина. – А я пока покурю. Отставить! Вам – нельзя.

Стоять под дождем было неуютно. Старшина-то был в плаще, а новобранцы – кто в чем, и все это уже основательно промокло. Витька вздохнул и, раздвигая строй, выступил вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.